

ВЪ ЛАПАХЪ УСПѢХА.

матр

Отъ успѣха, какъ отъ вина, кружится голова, и странныя порою приходятъ мысли...

Е. Н. Рощина-Инсарова имѣла въ Москвѣ громадный успѣхъ. Я уже давно не помню такого въ нашихъ театрахъ. Еще въ прошломъ сезонѣ, на его исходѣ, она отлично сыграла, и съ большою силою, и съ интересною оригинальностью, андреевскую Анфису. Внимательные наблюдатели нашей театральной жизни насторожились. Въ прошломъ году она по-настоящему великолѣпно, по-настоящему увлекательно сыграла въ «Тайфунѣ». По моему, въ Москвѣ она ничего лучше не играла, нигдѣ не была въ такой высотѣ. Но большая публика расцѣпила нѣсколько по иному, и самый большой успѣхъ, настоящий триумфъ дала артисткѣ въ «Обнаженной», сыгранной также интересно, красиво, трогательно, хотя и съ меньшимъ совершенствомъ, чѣмъ «Тайфунъ». И потомъ, обнаружилось уже при исполненіи третьей роли, что артистка начинаетъ какъ будто повторять себя, что кругъ разнообразія у нея не великъ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ въ «Обнаженной» съ самаго начала былъ громадный, такимъ онъ и остался въ теченіе всего сезона. Вѣнцомъ успѣха было приглашеніе въ Малый театръ на очень крупный окладъ, на доминирующее положеніе.

Успѣхъ пьянитъ, отъ него кружится голова, странныя приходятъ мысли... Г-жѣ Рощиной-Инсаровой показалось мало быть Рощиной-Инсаровой, захотѣлось быть Элеонорою Дузе. И она рискнула на то, на что ужъ очень давно не отваживалась въ Москвѣ ни одна русская актриса.

Не слѣдовало это дѣлать. И не потому только, что все-таки она—не Дузе, она только Рощина-Инсарова. Не слѣдовало еще и потому, что въ «Дамѣ съ камеліями» такъ трудно показать Рощину-Инсарову въ полный ростъ. Отжили мы то время, когда Маргаритой Готье, ея самопожертвованіемъ невѣдомо во имя чего, ея безпредѣльною любовью и столь раннею чахоткою можно было потрясать, ударять по сердцамъ съ невѣдомою силою. Теперь можно ударить развѣ по слабымъ нервамъ, по жидкой чувствительности и слезливости. Стоить ли, скажите, поднимать клубы пыли, ворошить сентиментальную ветошь, когда, въ лучшемъ случаѣ, удастся разжалобить, сорвать слезу?

Къ удивленію, Рощиной-Инсаровой не удалось сдѣлать даже это. Не удалось добиться даже вотъ такого маленькаго результата. Трогательнымъ ея исполненіемъ не было, или было лишь въ малой мѣрѣ. И большую часть долгаго спектакля зритель послѣдней злобнискон премьеры сидѣлъ вялый и равнодушный, кажется даже—слегка скучающій... Особенно въ двухъ первыхъ актахъ, когда артистка зачѣмъ-то удѣлила излишне широкое

мѣсто непужному, да и не очень искусному, по-дражательному виртуозничанью. Были отличные глаза, полные чувствъ, полные горя, кстати сказать—тутъ еще не нужнаго въ такой мѣрѣ роли. Но самая игра—искусственная и какая-то «пикарная», лучше не выражусь. Можетъ быть, это кому-нибудь и нравится, по крайней мѣрѣ въ антрактѣ весьма шумно вызывали и подносили грандіозныя сооруженія изъ цвѣтовъ. Но по мнѣ, это было худшее изъ всего, что сыграла Рощина-Инсарова въ Москвѣ. Протягивая руки къ вѣнкамъ Дузе и Режана, она обрывала цвѣты на собственномъ вѣнкѣ...

Изъ всего исполненія меня заинтересовали и дали впечатлѣніе лишь два момента и не тѣ, которые считаются боевыми. Совсѣмъ, по моему, не вышла, потому что не была никакъ прочувствована, принята въ душу, сцена объясненія съ Дювалемъ—отцомъ. Но когда онъ ушелъ и стала Маргарита прощаться съ Дювалемъ—сыномъ, стала говорить, какъ броситься передъ отцомъ на колѣни и вымолить имъ счастье, а сама уже знала, что не бывать этому счастью, что уже подрѣзано оно въ корнѣ,—Рощина-Инсарова, нашла какія-то новыя, незахватанныя и непритворныя интонаціи. Въ нихъ зазвучала большая боль, большая скорбь женской души. И я почувствовалъ прежнюю Рощину-Инсарову, которая не тянется ни за какими вѣнками, а просто отлично играетъ, всѣми нервами, всею душою, всѣмъ талантомъ.

И другой моментъ,—въ самомъ концѣ большой картины умиранія. Всю картину Рощина ведетъ непріятно, полагая, что вся суть въ томъ, чтобы какъ можно больше задохаться. Впечатлѣнія это не производитъ, только утомляетъ, рождается не жалость къ бѣдной Маргаритѣ, но нетерпѣливое желаніе, чтобы кончилось это недорогое «искусство». Но вотъ, подъ самый конецъ, точно забывъ, что надумала, все это натуралистическое виртуозничанье,—Рощина-Инсарова вдругъ дала волю голосу своего непосредственнаго таланта. И нѣсколько словъ прозвучали такъ скорбно и такъ нѣжно, нѣсколько разъ глаза поглядѣли такъ значительно. И опять я почувствовалъ настоящую Рощину-Инсарову, которая не озабочена тѣмъ, чтобы épater и проходить въ Дузе, въ экстраординарныхъ артистки. Отлично умерла она, тихо, уронивъ слабую головку Арману на руку.

Г-жу Рощину-Инсарову я считаю актрисой и очень талантливой, и интересною, талантъ ея, ея сценическую индивидуальность—привлекательнымъ, хотя и не очень большой мѣры и разнообразія. И я увѣренъ, она еще многое сыграетъ великолѣпно, она еще много будетъ насъ радовать со сцены Малаго театра, но при одномъ не-

премѣнномъ условіи. Если она отнесется къ себѣ просто, если рѣшительно и совсѣмъ откажется отъ наивнаго желанія кого-то поражать, куда-то возноситься. Талантъ не терпитъ суеты. А то, чему служила г-жа Рощина-Инсарова, выступая въ «Дамѣ съ камеліями» и такъ въ ней играя, это—только суета. И худшій для таланта ея видъ.

Старый лугъ.